

спективах своей занятости и рынка труда в целом, основывать банки рабочих мест с частичной занятостью или гибким рабочим графиком.

В Республике Марий Эл при Поволжском государственном технологическом университете действует «Центр карьеры», главной целью которого является содействие занятости студентов и трудоустройству выпускников.

Центр организует свою деятельность по следующим направлениям:

- маркетинговые исследования рынков труда и образовательных услуг;
- содействие занятости студентов и трудоустройству выпускников;
- взаимодействие с федеральными и региональными органами исполнительной власти Республики Марий Эл и других субъектов РФ по вопросам трудоустройства молодых специалистов с высшим образованием;
- проведение анализа российского и зарубежного опыта в области трудоустройства студентов;
- профориентация, информирование студентов о современных тенденциях спроса на специалистов с высшим образованием;
- организация работы со студенческими и молодежными организациями по вопросам трудоустройства молодых специалистов;
- взаимодействие с федеральными и региональными службами занятости населения;
- консультирование и предоставление информации по проблемам занятости молодых специалистов заинтересованным организациям, деловые консультации по конкретным проблемам, проведение семинаров, конференций, ярмарок-вакансий и т. п.;
- регистрация договоров со студентами и работодателями на подготовку специалистов с высшим образованием, контроль за выполнением договорных обязательств сторонами [3].

Заключение. Существуют основные направления для решения проблем адаптации выпускников к трудовой деятельности. Это стремление студентов иметь сильную профессиональную подготовку, грамотное применение на практике полученных теоретических знаний и умений, быть целеустремленными, инициативными, заинтересованными в успешном построении карьеры, умение самопрезентации. Центрам по трудоустройству необходимо продолжать и разрабатывать активную работу по содействию трудоустройству студентам и выпускникам, обучать их технике успешного трудоустройства.

Список цитируемых источников

1. Арискин, М. В. Адаптация выпускников вузов при выходе на рынок труда. Основные проблемы / М. В. Арискин, Л. М. Медведева, Е. Ю. Немова // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — С. 1053—1054.
2. Сулейманов, Т. Д. Социальные интересы молодежи на рынке труда / Т. Д. Сулейманов, Л. М. Сафина // Вопр. экономики и права. — 2013. — № 12. — С. 85—89.
3. Сайт Поволжского государственного технологического университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.volgatech.net/employment/career-center/objective-and-subject-of-activity/>. — Дата доступа: 13.12.2016.

УДК 930.2

Т. И. Леонченко

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Введение. В российской историографии второй половины XIX века одним из самых влиятельных направлений в философии и методологии истории стало позитивистское. В лице своих наиболее крупных представителей, таких как К. Д. Кавелин, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, В. О. Ключевский, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, позитивизм внес существенный вклад в расширение предмета истории как науки и разработку ее теоретико-методологических вопросов. Понимание учеными движущих сил исторического развития имело решающее значение для определения содержания предмета истории, поскольку сформулировать предмет науки — значит не просто перечислить ряд вопросов, подлежащих ее рассмотрению, но и определить исходные позиции их освещения.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить место личности в истории, которое отводили ей российские историки-позитивисты. Обращение к данной проблеме актуально, поскольку в современной историографии нет единого мнения по ряду вопросов, касающихся как предмета исторической науки в целом, так и роли случайного и необходимого в историческом процессе в частности. Долгое время в российской историографии господствовало марксистское видение процесса развития общества как закономерного и внутренне обусловленного, лишённого случайностей и вероятностей, связанных с ролью личности. Однако с волной постмодернизма в социогуманитарном знании все чаще стали звучать призывы к изучению деятельности отдельных

людей, которые в определенных условиях становятся независимой силой, способной влиять на ход истории, вносить в нее альтернативы. Свое видение данной проблемы представили в позапрошлом веке крупнейшие российские исследователи, достижения которых в области истории и социологии были признаны за рубежом.

Основная часть. Представления ученых о движущих силах общественного развития всегда тесно связаны с их общим мировоззрением, видением характера движения исторического процесса. Для классической позитивистской историографии была характерна вера в возможность объективного познания тайн природы и мира людей, поскольку общество развивается по своим внутренне обусловленным, предсказуемым законам, как и все в природе. Историков-позитивистов привлекала идея исторической эволюции человеческого общества и его прогресса. Широкое признание среди них получила идея существования различных факторов, равноценных в своем влиянии на развитие общества. Исходя из этих установок, сценарии деятельности личности в позитивистском мировоззрении были ограничены логикой общих общественных законов. Поэтому основной движущей силой исторического развития исследователи признавали народные массы, а не отдельные личности. Однако это не означало, что история в изложении авторов должна была превратиться в «историю без имен».

Принимая в целом многие положения позитивной философии, отдельные российские ученые стояли на разных точках зрения в освещении данного вопроса. Особенно не совпадали взгляды старшего и младшего поколения позитивистов в России. Пионеры русской социологии К. Д. Кавелин, П. Л. Лавров, Н. Михайловский пытались обосновать активную роль личности, не отрицая при этом действия закономерностей и определенной необходимости в истории. Ученые полагали, что окружающая среда и личность взаимно влияют друг на друга: с одной стороны, среда формирует личность, задает вектор ее развития, а с другой — личность способна критически осмысливать окружающую действительность и творчески воздействовать на ход истории.

Представители «субъективной школы в социологии» П. Л. Лавров и Н. Михайловский были убеждены, что в истории всегда действует такой фактор, как свободная воля человека, его способность сознательно ставить цели и достигать их. Даже наличие прогресса в истории они связывали с прогрессом культурного развития, ростом знания, а движущей его силой считали критически мыслящую личность. «Как ни мал прогресс человечества, — писал П. Л. Лавров, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно, невозможен...» [1, с. 87]. Тот же взгляд Н. К. Михайловский выразил в своей «теории борьбы за индивидуальность». Мыслителям казалось, что цели людей корректируют, смягчают действие объективных законов в истории. Совмещая противоречащие друг другу понятия, субъективисты пытались доказать невозможность предсказания дальнейшего хода событий. Ученые настаивали: объективное объяснение прошлого, о котором мы уже знаем, возможно, но неизвестное будущее необходимо воспринимать как арену противоборства многих возможностей. В этом плане русские субъективисты предвосхитили восприятие истории как множества альтернативных сценариев, сложившееся в социогуманитаристике второй половины XX века. В то же время совмещение объективных законов с креативностью человека не способствовало росту авторитета субъективной школы в глазах современников.

В 1880-е годы в лице представителей «русской исторической школы» (И. Лучицкого, Н. Кареева, П. Виноградова и М. Ковалевского) история приобретает более сухой, но и более научный характер. В своих конкретно-исторических исследованиях ученые выдвигают на передний план вопросы социальные и экономические, интерес к которым был связан у них с пристальным вниманием к истории широких народных масс. В ряде работ исследователей народ выступал как активная творческая сила, способная влиять на ход событий, особенно в переломные периоды истории [2, с. 199]. Таким образом, предметом истории как науки стали не только отдельные личности, но и деятельность масс и социальных групп. «История призвана рассказывать биографию не только человека, но и человечества», — писал П. Виноградов [3, с. 88]. Историк считал, что личности играют свою роль в процессе, на который не только не могут повлиять, но и о движении которого даже не догадываются [3, с. 89]. Понятно, что такая задача исторической науки выводилась учеными из их общих представлений о характере исторического процесса.

Наиболее энергичными проводниками идеи признания более активной роли масс в сравнении с отдельной личностью стали И. Лучицкий, М. Ковалевский и В. Ключевский. Последний хоть и считал человеческую личность одной из исторических сил, в то же время утверждал, что человек не может проявить себя вне общества. Он был убежден, что предметом исторического изучения является не человек сам по себе, а совместная жизнь людей, взаимно влияющих друг на друга [4, с. 39]. Поэтому предпочтение ученый отдавал изучению масс.

В то же время в своих теоретико-методологических работах российские историки-позитивисты исходный момент в понимании истории находили в свойствах человеческой природы, о чем говорит их частое обращение к вопросам психологии, которую они ставили в один ряд с социологией. Так, в ранние годы своего творчества И. Лучицкий утверждал, что индивидуум является важнейшим деятелем в обществе, а значит, законы его природы должны быть законами самого общества [2, с. 178]. В работах М. Ковалевского мы также можем видеть попытку совместить психологическую и экономическую точки зрения в интерпретации истории общества на том основании, что сами экономические явления психически обусловлены. Рассматривая взгляды Г. Гарда, он указывал на значимость законов психологии, например, закона подражания, по которому личность в толпе нивелируется, а в публике получает возможность самовыражения.

Большое значение народных масс как действующей силы признавал и Н. Кареев. Для ученого культурный процесс истории — процесс двусторонний, в котором моменты безличной эволюции тесно соединены с моментами личного творчества [5, с. 133]. Так как человек является и продуктом форм окружающей среды,

и творцом этих форм, то в истории надорганическая среда и личность одинаково подчиняются и воздействуют друг на друга [5, с. 150]. Однако вопреки позитивизму Н. Кареев отрицал существование законов истории, а причинные связи объявлял психологическими. На деле это превратило человека у него в единственный фактор истории и прогресса [6, с. 42]. Исследователь усматривал в исторических событиях сумму отдельных человеческих поступков, а в личности — силу, способную влиять на события в большей мере, чем массы, потому что она, как носитель идеи, обладает свободным сознанием, позволяющим ей стать выше действительности и изменить ее в соответствии со своими представлениями. Такая постановка вопроса сближала историка с субъективной школой.

Заключение. В российской позитивистской историографии не было единства в определении роли личности в истории. Для исторических взглядов первых русских социологов было характерно понимание движения истории как результата сложного взаимодействия объективных условий и субъективного начала. Прогрессивное развитие общества осуществляется, по их мнению, не механически, а усилиями людей, исходя из чего они способны сами выбирать путь развития. Представители классического позитивизма считали, что любое действие человека определяется внешними влияниями, а не его сознательным выбором. Давление определенного психологизма на исторический процесс они склонны были связывать скорее с коллективной психологией, чем с индивидуальной волей.

Список цитируемых источников

1. Лавров, П. Л. *Философия и социология : избранные произведения* : в 2 т. / П. Л. Лавров. — М. : Мысль, 1965. — Т. 2. — 703 с.
2. Могильницкий, Б. Г. *Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 90-х годов* / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1969. — 408 с.
3. *Виноградов, П. Г. Избранные труды* / П. Г. Виноградов ; сост. А. В. Антощенко. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 632 с.
4. *Ключевский, В. О. Сочинения* : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. В. А. Александрова. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1. — 430 с.
5. *Кареев, Н. И. Историология: Теория исторического процесса* / Н. И. Кареев. — М. : ЛИБРОКОМ, 2011. — 328 с.
6. *Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.)* : монография / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.

УДК 902

Г. С. Махрачев

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ МОРДВЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Введение. Мордва — финно-угорский народ, который в настоящее время делится на два субэтноса: мокша и эрзя. Сегодня восточные финны занимают широкую область европейской части России и Зауралья. Процесс расселения мордовского народа является малоизученным, между тем представляет огромный интерес для понимания взаимодействия племен на рубеже становления древнерусского государства и влияния этого процесса на дальнейший ход истории.

Основная часть. Более подробно изучен быт древнемордовских племен. Благодаря исследованиям П. Д. Степанова [1], М. Ф. Жиганова [2], П. П. Иванова [3], Р. Ф. Ворониной [4; 5], мы можем сопоставить материальную культуру мордвы с другими племенами и народами. Такое сравнение позволяет проследить их взаимный культурный обмен, что очень важно для понимания степени взаимодействия древнемордовских племен с их окружением. В дальнейшем это позволит лучше проследить этапы расселения мордвы.

Значимым аспектом, на котором необходимо акцентировать внимание, является этногенез мордовского народа. Важно проследить ареал первоначального появления древнемордовских племен, на который можно будет опираться в процессе изучения дальнейшего расселения мордвы.

Существует несколько версий этимологии слова «мордва», краткий анализ которых представлен в соответствующей словарной статье М. Фасмера [6, с. 653—654]. Однако наибольшее распространение получает версия профессора Д. В. Бубриха, который объясняет происхождение слова «мордва» от греческого: название «мордиа» восходит к более раннему «мурдия», «мурдь», откуда-то взятое готами. «Мурдь» (мирьде) — мордовское слово, означающее «муж». Итак, готы слышали, как мордовские воины или торговые люди обращались в своей среде так: «мурьде» (муж), «мурьдть» (мужи) — и поняли это как название народности [7, с. 21].

Впервые мордва (mordens) упоминается в труде историка VI века Иордана [8, с. 150]. В письме хазарского кагана Йосифа (около 961 года) в числе данников хазар упоминается «ариса», вероятнее всего — эрзя [7, с. 23]. Название страны Мордия (Mordí) встречается в сочинении византийского императора X века Константина Багрянородного [9, с. 157]. Указание на месторасположение мордвы и его отношений с Русью